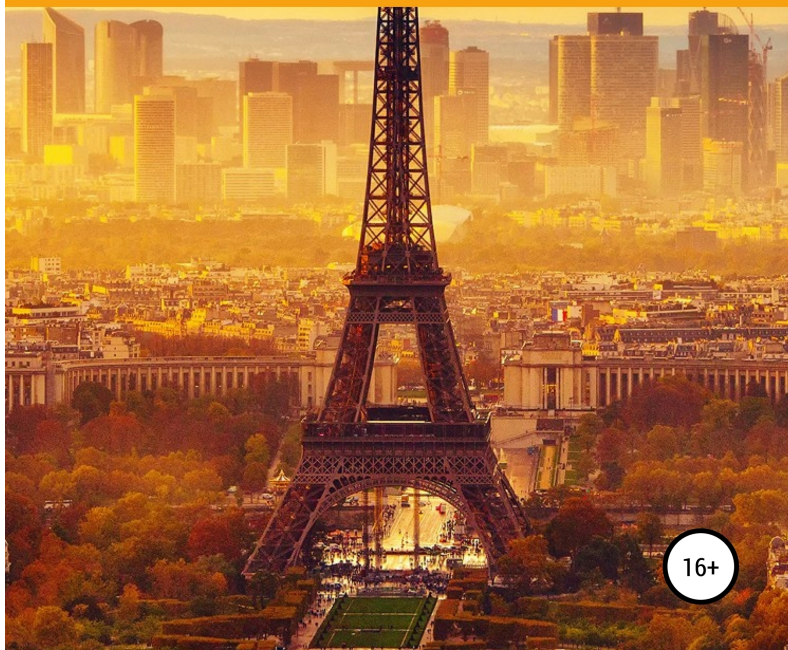

Андрей Толоков

Браслет Виттинов

Сборник

16+

Андрей Толоков Браслет Виттинов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56519123

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05131-7

Аннотация

Выбор. Как выбрать верный путь? Как не ошибиться? Как принять единственно верное решение? Все эти вопросы рано или поздно встают перед каждым, также, как и перед героями произведений из этого сборника. Они сталкиваются с разными обстоятельствами, в разное время и среди разных людей. Но объединяет этих героев то, что, невзирая на опасность, даже на угрозу жизни, они делают правильный выбор. Выбор, от которого мир вокруг них становится лучше.

Содержание

МЕЛАНЖ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

МЕЛАНЖ

Новелла

Меланж в переводе с французского языка – смесь, мешанина.

Она очень смешно говорила по-русски. Он ни слова не знал по-французски. Когда его спрашивали друзья, хорошо ли он теперь понимает на языке Катрин, Иван отвечал одной ёмкой фразой: «Ни черта»! Следующий вопрос был предсказуем: «Как же вы общаетесь»? Иван клал руку в область сердца и, поднимая подбородок, говорил: «Как-то так»! Конечно же, общались они на русском.

Катрин Бенар младшая дочь французского промышленника и инвестора Астора Бенара. Какое проведение или какой дьявол занёс её в Россию? Не только занёс, но и заставил её жить здесь длительное время, выучить русский язык, месить грязь безразмерными резиновыми сапогами в русской глубинке, чуть не отморозить себе нос в белой, трескучей от мороза, пустыне, научиться пить водку, перед этим выдавливая из лёгких весь воздух. Нет, это не проведение, это точно дьявол.

Всё началось с того, что Катрин стала историком. Родители не понимали её выбора. Ну ладно журналистом, ну, в конце концов, актрисой. В этих случаях её можно было понять.

Девочка хочет внимания. Девочка хочет успеха и известности. Но историк! Откуда вообще тяга к подобной профессии могла появиться у ребёнка из семьи Бенаров? Нонсенс! Так или иначе, Катрин Бенар поступила в университет и через несколько лет стала профессиональным историком. Что дальше? А дальше Катрин и не собиралась останавливаться. По рекомендации своего научного руководителя, профессора Николая Идо, Катрин активно занялась подготовкой диссертации. Тему она выбрала сложную и весьма противоречивую для француженки. Восточный поход Наполеона Бонапарта. Зачем ей это было нужно, она и сама понять не могла. Но увлеклась. Увлеклась так, что решила поехать в Россию и, как говорится, на «собственной шкуре» испытать то, что испытали её соотечественники два века назад.

Отец Катрин, Астор Бенар не одобрил затею дочери. «Русские, – говорил он, – непонятные люди. Вроде европейцы, но не европейцы, азиаты, но не азиаты, а когда мне не понятно с кем имею дело, я остерегаюсь». Катрин в ответ махала руками и смеялась. Она была молода. Страхи взрослых, умудрённых опытом людей, её ещё не коснулись. Катрин стремилась к знаниям, она поставила цель и упорно шла к ней.

Когда молодой историк Катрин Бенар прилетела в Москву, она уже многое понимала по-русски и могла сносно объясниться на этом твёрдом шипящем языке. Изучать русский девушка начала ещё в Париже. Тогда, в самом начале, ею овладел ужас. Как можно было придумать язык с такими

длинными словами и грубыми звуками? Как может быть так, что одно слово имеет десяток значений? Где артикли, наконец?! Но дальше испуг прошёл и, общаясь со студентами из России, Катрин стала понимать этот язык. Не так уж он был, как сразу показалось, твёрд и груб, а очень даже логичен и понятен.

Иван встретился на пути Катрин позже. Когда француженка закончила все свои дела в Москве и решила податься в русскую глубинку, отец стал опасаться за безопасность дочери. «Я боюсь за тебя, Катрин, – говорил он по телефону. – Русская провинция это не Москва. Там может быть опасно. К тому же зима на носу. Ты представляешь, что такое русские морозы?» Опасения Астора оказались ненапрасными. Он настоял на том, чтобы Катрин наняла себе проводника, а скорее охранника. Астор навёл справки через агентство и вскоре с Катрин связался владелец частной охранной фирмы из Москвы.

– Госпожа Бенар, – басистым голосом говорил мужчина, – ваш отец оплатил услуги охраны. Мы гарантируем вам...

Катрин не особо вслушивалась в то, что говорил этот человек. Тем более, что в его речи было много слов, которых девушка не понимала. Ясно было то, что завтра к ней придет представитель этой фирмы на собеседование. Если он устроит Катрин, то с понедельника охранник в её распоряжении. Вот тут и появился Иван. Когда Катрин открыла дверь, она увидела перед собой молодого человека. Высокий, русо-

волосый, с аккуратной короткой стрижкой. Одет в недорогой, но элегантный костюм. Взгляд светло-серых глаз показался ей чистым и добрым. А мохнатые темные ресницы даже немного смешными. Молодой человек был немногословен.

– Здравствуйте! Катрин Бенар? – спросил он.

– Да!

– Тогда я к вам. Меня зовут Иван, – после этих слов мужчина протянул Катрин какую-то бумагу.

Девушка, увидев, что документ написан на русском, не стала вникать в его суть. И так было понятно, что этот молодой человек, который назвался Иваном, приехал к ней на собеседование. Честно говоря, Катрин не хотела уже с ним беседовать. Он ей понравился. Внешне красивый мужчина, да и запах от него исходил приятный. Что называется, это тот вариант, который устраивал француженку.

До встречи с Иваном, Катрин мало обращала внимание на русских мужчин. Они казались ей одинаковыми и консервативными. Однообразные причёски и одежда. Холодные недоверчивые лица. Разве что среди молодёжи и студентов были парни, чем-то напоминающие европейцев. Но сейчас эта сторона жизни совсем не интересовала Катрин. Она была увлечена историей. Девушка собирала материал для диссертации и даже не думала ни о мужчинах, ни о возвращении домой. Наука – это всё что поглощало её. И вдруг этот Иван. Катрин и сама не могла взять в толк, почему он ей приятен?

После его краткосрочного визита Бенар позвонила в агентство и сказала, что этот работник ей подходит и если соблюдены все формальности, то она ждёт его в понедельник в девять утра.

Дальше история развивалась тривиально. Иван проявлял свойственную сильному мужчине заботу о своей клиентке. Он вёл себя корректно, выдержано и, если уместно здесь это слово – профессионально. На просьбы Катрин рассказать о себе – отмалчивался. Удалось выяснить лишь то, что раньше её охранник был военным. Главную роль в развитии отношений Катрин и Ивана сыграло то, что они почти всё время своей экспедиции по российской глубинке были вместе. И вот однажды, в лютую стужу, в маленькой сельской гостинице случилась авария отопительной системы. Через час температура в номерах и на улице почти не отличались друг от друга. Ивану удалось договориться с местной жительницей, одинокой женщиной, чтобы она пустила его с Катрин на ночлег. Женщина вошла в положение путешественников и за небольшие деньги приютила их. Условия были весьма далеки от комфортных. К тому же старая изба не блистала порядком и чистотой, но русский мороз не оставлял выбора.

Ночью у Катрин поднялась температура. Простуда была нешуточной. Необходимые на первое время лекарства у Ивана были с собой, но утром он вызвал «скорую». Поднявшийся буран засыпал снегом дороги, и техника проехать не смогла. Два дня Ивану вместе с хозяйкой избы пришлось

колдовать над девушкой, чтобы выгнать из неё болезнь. Получилось. Когда врачи пробились в посёлок, он настоял на том, чтобы Катрин отправилась в больницу. Девушка согласилась, но с условием, что её охранник останется с ней. Разрешили.

Катрин выздоровела. Экспедиция продолжилась. Отношения француженки и русского парня стали настолько теплыми, что не преминули в скором времени перерасти в любовь.

– Я хочу делать с тобой детей, – сказала Катрин, крепко прижавшись к груди Ивана. – У нас получится красивый «меланжэ».

– Что за «меланжэ»? – не понял девушку Иван.

– Смесь, – пояснила та. – Когда смесь получаются красивые дети.

Это было не что иное, как предложение на ней жениться. Расписались они весной в Москве. Катрин не спрашивала разрешения у родителей. Она считала себя женщиной независимой, способной принимать решения самостоятельно. Понятно, что отец Катрин Астор Бенар и мама Мари-Лор, были в шоке от такого поворота событий. Вот так вдруг в их семью вливается какой-то русский Рэмбо. Ладно бы коллега Катрин, историк или ещё какой учёный, а то простой охранник. Астор был в бешенстве. Ни с одним из старших сыновей, а у четы Бенаров их было трое, такого произойти не могло. И не произошло. Все мальчики женились

на девушках из приличных, богатых семей, что в понимании Бенара было синонимом. Приличный, богатый, благополучный, для Астора было единым понятием. Он такое положение вещей называл счастливым браком. Во многом с ним можно согласиться, но не во всём. Катрин в ту пору видела жизнь по-другому.

Большой белый «Эйрбас» уносил молодожёнов в цветущий майский Париж. Через четыре часа самолёт с полосатой ливреей на хвосте, приземлился в аэропорту имени Шарля де Голля. Астор, при всём своём недовольстве поступком дочери, всё же приехал их встречать. Они с Мари-Лор не видели Катрин долгое время. Скучали. Рядом с дочерью шёл высокий русоволосый парень. За версту было видно, что он вовсе не француз. Даже надень на него костюм от лучшего парижского кутюрье, он всё равно будет выглядеть чужаком. Ярко выраженные славянские черты лица, настороженность во взгляде, какая-то особенная пластика тела, ни тени улыбки. Не француз!

Иван ничего не понял из того что лопотали при встрече с дочерью его французские родственники. Заметил лишь то, что во время разговора искоса поглядывали на него. Не было в этих взглядах ни теплоты, ни радости, ни приветливости. Только настороженная любознательность. Иван немного расстроился. Он понимал, конечно, что душисть в объятиях его никто не будет, но столь холодного приёма не ожидал. Отец Катрин даже не подал ему руки, а отделался безразлич-

ным «bonjour». Это, пожалуй, одно из немногих слов, которое Иван знал по-французски и поэтому смело ответил:

– Бонжур, месье! – и, повернувшись к Мари-Лор, добавил, слегка склонив голову. – Бонжур, мадам!

Всё, формальности были соблюдены. Теперь надо было забыть всё то, что было раньше и окунаться в новую для Ивана французскую жизнь.

– Вижу что твои родители не очень мне рады, – сказал на ухо своей жене Иван. – Твой отец даже не подал мне руки.

– Жди, – шепнула Ивану Катрин. – Когда вы узнаете близко, он будет давать тебе руку.

– Это будет нескоро, – с сожалением заметил мужчина.

– Почему?

– Чтобы хорошо узнать друг друга, надо общаться. А я по-французски ни бум-бум.

Катрин громко засмеялась. Её забавляли смешные русские слова. Она впервые слышала выражение «ни бум-бум», но по смыслу догадалась. Это её рассмешило.

– Ваня, ты выучишь французский, и тогда тебе станет хорошо здесь.

Тогда Картин казалось, что её мужу достаточно знать язык и выучить правила по которым люди живут в этой стране. Её не особо занимало то, как человек, проживший три десятка лет в другом обществе, сформировавшийся там как личность, сможет приспособиться к новым условиям. Она была уверена, что сможет помочь своему любимому быстро адап-

тироваться. Наивная.

У Катрин был свой небольшой дом в западном пригороде Парижа. Туда и приехала молодая семья. Через неделю, рано утром позвонили в дверь. Иван открыл. На пороге стояли мужчина с женщиной. Из их вопросов Иван понял, что они интересуются, здесь ли живут Катрин Бенар и Иван Чернов. Оба после этого продемонстрировали свои удостоверения. Стало понятно, что это государственные люди. Иван подтвердил, что здесь живут Бенар и Чернов и пригласил гостей в дом.

Государственные люди вели себя немного бесцеремонно. Они, параллельно разговаривая с Катрин, осмотрели спальню, открыли шифоньер и покопались там. Внимательно изучили предметы в ванной комнате и даже заглянули в стиральную машину. После этого странного визита мужчина и женщина, вежливо улыбнувшись, попрощались и ушли.

– Что это было? – недоумённо спросил Иван.

– Инспекторы.

– Я догадался, что это люди из какой-то службы. Что они здесь искали? У нас проблемы с законом?

– У нас нет проблем с законом, – улыбаясь, ответила Катрин. – Не пугайся. Мой папа не мафиози. Я ничего не украла и ты не русский шпион.

– Не понимаю. Чего им надо было?

– Они делают проверку. Вдруг мы женились за выгоду. «Марьяж блё», «фиктиф».

– Фиктивный брак, что ли?

– Да! Правильно!

– Ну! Теперь господа убедились, что у нас всё всерьёз? –

Иван как пушинку подхватил маленькую Катрин на руки.

– Сейчас да.

– Что значит – сейчас? – Иван опустил Катрин.

– Они будут ходить много. Такие правила.

– Понятно! Значит, будем с ними дружить.

– Ваня, – Катрин перестала смеяться и говорила серьёзно, – чтобы тебе «девения ситоян фронсэ»...

– Не понял!

– ...Стать гражданином «Фронс», нашей страны, – перевела для мужа Катрин, – надо пять лет прожить тут. Пять лет быть в семье. «Апрёдэ ле франсэ», выучить французский язык и найти работа. Такой «лое фронсез». Закон Франции.

– Катрин, не делай такое серьёзное лицо. У тебя очень красивая улыбка. Ради тебя я выполню все французские законы.

– Обещаешь?

– «Же проме»! – с ярким русским акцентом произнёс Иван. – Обещаю. Видишь, я уже начал говорить на твоём языке.

– Ты говоришь на своём, только французскими словами, – хохотала Катрин.

Иван устроился на курсы языка. Но дело так и не шло. То ли преподавали плохо, то ли способности Чернова к языкам

были слабые. Но прошло полгода, а Иван очень плохо говорил и понимал по-французски. Отсюда и все остальные проблемы. Он не мог получить лицензию, как хотел, и не мог устроиться на работу. Это угнетало не только мужчину, но и Катрин. Она даже перестала говорить дома на русском. Это продолжалось пару недель. Катрин видела, что Иван понимает её. Иногда с некоторым опозданием, но понимает. А вот выразить свои мысли, ответить или попросить, у него не получалось. Иван стал теряться. Уверенность в себе по капле покидала его. Взгляд потух. Он не понимал, почему не может справиться с этим языком. Отношения с Катрин начали портиться. Она не могла понять, как мужчина, который раньше казался ей таким сильным, надёжным, уверенным, оказался поражён бактерией беспомощности.

Масло в огонь подливал Астор. Он не преминул каждый раз при встрече с дочерью сделать акцент на никчёмности её избранника.

– Неужели, ты ещё не наигралась с этим русским? – пренебрежительно говорил он. – Что в нём есть такое, чего нет в хорошем французском мужчине? Мне вообще кажется, что твой Иван – альфонс. Он живёт на твои деньги. И на мои, кстати, тоже. Ждёт, пока ты закончишь свою диссертацию, родишь ребёнка. Он к тому времени оперится здесь, но так и будет висеть на твоей шее.

– Папа! – раздражённо прервала отца Катрин. – Ему надо время. Он старается. Он сможет получить работу.

Время шло, но изменений никаких не было. Однажды Астор позвонил дочери и предложил:

– Катрин, а хочешь, я устрою твоего мужа, в частном порядке к одному русскому бизнесмену. У этих русских можно всё, даже без лицензии.

– Попробуй, – ответила Катрин. – Только, папа, смотри, чтобы это были нормальные люди. Я не хочу, чтобы Ваня влип в плохую историю.

– Господи, дочь! – иронично произнёс Астор. – Ты до сих пор веришь в порядочность этого народа?

– Папа, я жила среди них. Я успела понять, что это за люди. Поверь, они такие же, как мы. Не лучше и не хуже. Они просто живут по-другому. У них немного другие ценности.

– Вот в этом и корень зла, что у них другие ценности. Ладно, – жёстко отрезал отец, – заканчиваем дискуссию. Хватит. Я позвоню и скажу, куда приехать твоему Чернову.

По рекомендации Астора Иван устроился на работу к русскому банкиру. Но это продлилось недолго. Через две недели Чернов понял на кого он работает. Беглый, полукриминальный банкир, наворовавший в России денег, скрывался во Франции. По запросу из России он был задержан и ждал суда. У Ивана тоже возникли сложности. Жандармы стали выяснять, как с банкиром связан Чернов. Его вызывали на допросы. Иван как-то услышал в разговоре жандармов фразу: «...ла мафья рус». Тут не надо обладать потрясающим знанием французского, чтобы понять, о чём говорили жан-

дармы. Обо всём этом Иван рассказывал Катрин. Она догадывалась, что за всем этим последуют большие проблемы. Катрин давила на отца, чтобы Астор исправил свою же ошибку.

– Это ты устроил Ваню туда, – упрекала Бенара дочь. – Я уверена, ты знал, что этот банкир преступник.

– Чего ты хочешь от меня сейчас, – сопротивлялся Астор. – Я сделал доброе дело. Я дал возможность твоему бездельнику зарабатывать деньги. Да! Случилось непредвиденное. В чём я виноват?

– Ты специально это сделал!

– Дочь, ты понимаешь, что эти русские – варвары. – Бенар всё ещё не терял надежды вразумить дочь. – Ты запуталась, Катрин. Девочка моя. Ты скоро поймешь, что это большая ошибка. У нас другие ценности. Мы не можем принять в семью человека из того мира. Что мы будем с ним делать? Он без рода и без племени. Этот твой Иван, чем он может приумножить состояние нашей семьи? Ты историк. Ты человек науки. Я желаю тебе добиться самых больших высот. Я бизнесмен. Я умею и знаю, как зарабатывать деньги, и как их сохранить. Для своей семьи и для тебя я желаю совсем другой истории. Другого будущего.

– Знаешь что, папа! Ты посмотри, как много написано в наших учебниках по истории, – Катрин не могла сидеть и рассуждать. Она металась по гостиной. – Возьми хотя бы Вторую мировую войну. Полторы страницы?! Шесть лет

страшной войны и полторы страницы?! Пятьдесят миллионов смертей и полторы страницы?! Папа, мы не хотим знать, что было, и не хотим знать, что будет. Мы живём сегодняшним днём. Мы неандертальцы, папа. Когда я жила там, в России, я видела совсем другое. Они знают свою историю в деталях. И не только то, что было вчера, а даже то, что было, когда наш Бонапарт пришёл забирать их землю. Они помнят в лицо почти тридцать миллионов погибших в Великой Отечественной войне, о которой мы знаем только полторы страницы! Они берут фотографии этих несчастных людей, и каждый год выходят с ними на улицу. Несут их и плачут. Плачут и несут. Нет, папа, они не варвары. Варвары это мы!

– Я предполагал, что твоя поездка в эту страну, добром не кончится, – Астор поднялся из глубокого кресла и, заложив руки в карманы, вышел.

Он не стал усугублять отношения с дочерью. Адвокаты Бенара подсутились, и жандармы оставили Чернова в покое. Но, как говорится, вода камень точит. Подобные случаи не проходят даром. Иван стал ощущать себя совсем лишним в этой семье. Он однажды вечером затеял с Катрин разговор на эту тему. Чернов выказал своё отношение к поступкам Астора Бенара.

– Я не болванчик, Катрин, – говорил Иван. – Я понимаю, почему твой отец так меня не любит. Я знаю, что он при каждой встрече упрекает тебя в том, что ты решилась на наш брак. Поэтому я предлагаю нам на время расстаться.

– Это как, расстаться?! – глаза девушки округлились.

– Чтобы не вносить раздор в твою семью, я на время уеду в Россию.

– И что! – вскрикнула недовольно Катрин.

– Там у меня есть возможность получить хорошую работу. Заработаю денег и вернусь к тебе. Опять пойду на курсы. Но уже не буду сидеть у тебя на шее.

– Tu te fous de moi? – вскрикнула Катрин, и тут же по привычке перевела. – Ты издеваешься?!

– Нет. Давай обсудим это.

Катрин и мысли не могла допустить, что Иван уедет. Он был ей нужен. Она любила этого мужчину. Женщина решила сыграть на мужском самолюбии.

– Я думала ты сильный, – сказала она, успокоившись.

– Значит, ты ошибалась. У нас разные представления о силе. Бывают обстоятельства, справиться с которыми в лоб не получается. Значит нужно изменить тактику. Пойти другой дорогой. Поэтому я и предлагаю свой вариант.

Катрин ничего не ответила. Она ушла в спальню и больше этим вечером с Иваном не разговаривала. «А вдруг отец прав? – думала она, свернувшись клубочком на большой кровати. – Нет, он не слабый, а очень сильный и очень умный. У него железная выдержка. Я это знаю. Другой на его месте уже давно бы начал скандалить с отцом, а Ваня не позволяет себе такой слабости. Вдруг он и, правда, задумал что-то нехорошее? Вдруг отец прав? Это странное предложение

уехать в Россию, выглядит как проверка. Ему интересно как я среагирую. А я взяла и показала все свои чувства. Я сама сказала папе, что русские совсем другие. Но не могут же они, вернее он, быть совсем бесхитростным. В это сложно поверить». Подобные мысли стали всё чаще посещать женщину. Она, то склонялась на сторону Астора, то на сторону Ивана. Она металась, и это мешало ей заниматься наукой. Диссертация требовала времени и сил, а Катрин приходилось нервничать. Это отвлекало от работы.

Однажды Астор, как бы невзначай, бросил фразу о брачном договоре. Брак между Катрин и Иваном стал бы полноценным только с заключением такого договора.

– Если ты не собираешься с ним расставаться, – говорил Бенар, то почему вам не заключить брачный договор? Только имей в виду, дочь, потом развестись будет очень сложно.

Катрин сначала не очень обратила внимание на эту фразу отца, но потом задумалась над ней. А стоит ли так усложнять их отношения? А вдруг они решат расстаться? А почему они? Может быть, этого захочет одна Катрин? Без брачного договора расстаться будет гораздо легче. «Чёрт! – ругнулась Катрин про себя. – Зачем ты думаешь об этом? Ты же его любишь! Ты вспомни, как вздрогнуло у тебя сердце, когда Ваня предложил на время расстаться. Прекрати мадам Бенар, сомневаться. Он нужен тебе. Нужен и всё!».

Вечером Катрин не застала мужа дома. Он ходил на курсы французского днём. Каждый вечер встречал жену. Иван

научился готовить. Он настоял на том, чтобы «фам дё ми-наж», по-русски домработница, к ним больше не приходила. Мужчина взял на себя обязанности по дому. Катрин это не очень нравилось, но пока она с этим мирилась. А не нравилось ей это, потому что она видела, как эти обязанности тяготят её мужа. Он пытается показать, что может быть полезен, но получается это неуклюже и опускает самооценку Чернова в своих же глазах.

Катрин обошла дом и участок, но Ивана нигде не было. Позвонила. Телефон был недоступен. На часах восемь вечера. Первая мысль, которая пришла в голову женщине – уехал в Россию. Втайне от неё купил билет, собрал вещи и уехал. Нет, как-то не верилось. Это совсем не похоже на Чернова. Он не будет скрывать такого намерения. Вторая мысль – что-то случилось по дороге домой. По-французски Иван говорит очень плохо. Возможно, задержали жандармы. Но тогда первым делом позвонили бы ей. Нет, это отпадает. Тогда самое неприятное. На него напали и он в больнице. Сейчас эти эмигрантские банды могут встретиться в любом, даже самом спокойном районе.

Катрин начала поиски. Позвонила в жандармерию, в справочную по больницам, и, на всякий случай, в авиакомпанию. Ивана нигде не было. Прошло полтора часа. Катрин сообщила об этом Астору. Тот выслушал, помолчал в трубку и недовольно фыркнул.

– Никуда твой Чернов не денется, – пренебрежительно

сказал отец. – А если и денется, то так оно будет лучше.

Катрин не стала слушать дальше и положила трубку. Женщине оставалось только одно – ждать. Катрин включила телевизор и, поджав ноги, безучастно смотрела цветные картинки. Она даже не включила звук. На часах было уже половина одиннадцатого. Ожидание становилось мучительным, неизвестность ещё хуже. Катрин взяла трубку и позвонила своей подруге Жаклин. Она была немного старше и опытнее. Правда, муж у неё был канадец. Это совсем не Чернов.

– Алло, – ответила подруга очень тихим голосом.

– Жаклин, извини, что беспокою тебя так поздно но, – голос Катрин дрожал. Ей хотелось плакать. – Но у меня...

– Катрин, – перебила подругу Жаклин, перейдя на шёпот. – Ты позвонила не вовремя. Ты понимаешь, чем в это время мы занимаемся с Лотером?

Катрин поняла, насколько неуместным был сейчас её звонок.

– Извини, – сказала она и выключила телефон.

Кому ещё позвонить, спрашивала себя Катрин, кто поможет пережить это томительное ожидание? Никому. Её переживания никому не нужны. Даже её близким.

На часах была почти полночь, когда Катрин собралась пойти в спальню. В этот момент громко щёлкнул дверной замок. Женщина бросилась к двери. Это мог быть только Иван. Ключа от дома больше ни у кого не было. На пороге стоял Чернов, а рядом с ним какой-то грязный, с избитым лицом

человек. Катрин даже немного затрясло от брезгливости.

– Добрый вечер, Катя, – сказал с порога Иван, заметив гнев и недоумение во взгляде супруги. – Я сейчас тебе всё объясню.

– Bonsoir Madame! – поздоровался грязный человек и, приподняв слегка засаленную коричневую шляпу, наклонил голову.

Катрин не ответила незнакомцу. Она скривила недовольно лицо и обратилась к мужу:

– Это кто? Ты кого привёл в дом?!

– Это Поль. Я же сказал – сейчас всё тебе объясню.

– Почему у тебя не работает телефон? – продолжала возмущаться Катрин.

– Потому что у меня его больше нет, – голос Ивана стал звучать громче и резче. – Ты перестанешь задавать бесконечные вопросы? Ты выслушаешь меня?

– Вот что Иван Чернов я тебе скажу, – Катрин кипела от гнева. – Во-первых, убери этого человека из нашего дома. Второе: я сегодня не хочу с тобой говорить. И третье... третье... – у Катрин задрожал голос и она, заплакав, убежала вверх в спальню.

Чернов понимал, что огорчил жену. Но поступить по-другому он не мог. Несколько часов ранее, возвращаясь домой после занятий на курсах, Иван вышел из метро и увидел, как группа молодых людей жестоко избивают пожилого человека. Парней было четверо. Все они были смуглые,

поджарые, одеты бедно. Скорее всего, мигранты, мелькнула мысль у Чернова. Били отчаянно, ногами, не выбирая куда. Удары сыпались и по голове, и по туловищу. Мужчина, а судя по седым волосам правильнее сказать старик, свернулся клубочком и обеими руками прикрыл голову. Иван не терял время на раздумья. Он даже не просчитал, что будет, если случайно нанесёт тяжёлые травмы нападавшим. Их, как ни парадоксально, законы защищают надежнее, чем коренных французов. А он Чернов, вообще пока никто. Просто русский, без особых прав и привилегий в этой стране.

Чернов сделал два больших шага и в один миг оказался за спиной у мигрантов.

Он снял сумку с плеча и бросил её в толпу нападавших. От летящего предмета двое сразу уклонившись, отбежали в сторону. Ближнего к себе Иван, ловким движением сделав подсечку, сбил с ног. Тот, не понимая, что происходит, перевернулся на живот и закрыл голову руками. Его товарищ быстро обернулся и слегка присев, выхватил нож. Крикнув что-то на арабском языке, он прыгнул на Ивана. Но не ожидал парень получить жёсткий отпор. Иван, уклонившись от удара ножом, резко стукнул араба в область кадыка. Тот захрипел и, выронив нож, опустился на колени. Хрип, это единственный звук который он мог издать. Двое оставшихся переглянулись и встали в стойку, показывая, что с ними не так просто справиться. Чернов не хотел причинять людям зла. Он махнул от себя обеими руками, показывая, что надо оставить

старика в покое и уходить. А ногу Иван поставил на спину тому, который лежал на земле. Вокруг собирались люди. Кто-то кричал, кто-то стоял, молча наблюдая за происходящим. Мигранты в этот момент напоминали звериную стаю, оставшуюся без вожака. Они никак не могли принять решение. В ситуацию вмешалась полицейская сирена.

Ивану и Полю, так звали пожилого бездомного, повезло. Очевидцы происшествия объяснили жандармам, что здесь произошло. Двое мигрантов захватив с собой сумку Ивана, кстати, в которой был телефон, убежали. А лежащего на земле главаря, того самого, который бросился на Чернова с ножом, жандармы задержали. В участок всё-таки проехать пришлось. Полю вызвали врача. Раны обработали. Через пару часов Ивана и Поля отпустили.

Чернов предложил бездомному переночевать у себя дома. По дороге Иван зашёл в магазин и купил бутылку недорогого вина.

– Надо же обмыть знакомство, – сказал Чернов, показывая бутылку французу.

– Oui, certes! – согласился Поль.

Так и шли они вдвоём пешком к дому Катрин. Иван, используя скудный запас французского языка, рассказывал старику о том, как попал в эту страну, какая хорошая и красивая у него жена, и как тяжело ему даётся французский язык. Из-за чего Иван никак не может найти работу. Поль время от времени кивал, как будто понимал, о чём рассказы-

вает русский. Иногда вставлял какие-то фразы. И если видел, что Иван не понимает, останавливался и жестами объяснял.

– Вот же, чёрт! – восклицал Чернов. – Я же всё понимаю, что ты говоришь.

– Allez, je vais t'apprendre.

– Ты меня научишь? – переспросил Иван.

– Oui, – кивнул Поль.

Старик разговаривал на таком простом французском, что Ивану не составляло труда его понимать. Более того, Поль настолько «красноречиво» жестикулировал, что французский язык в глазах Чернова приобретал визуальный смысл. Так, разговаривая каждый на своём, новые друзья подошли к дому Катрин. Поль, увидев перед собой весьма приличный дом, встал как вкопанный и категорически отказывался заходить внутрь.

– Non non, c'est impossible, – упирался бездомный парижанин, показывая жестами, что это невозможно.

– Почему «ампосибль»? – не понимал упрямства Поля Иван и продолжал тащить француза за рукав. – «Энтрэ». Заходи, заходи!

Поль был уверен, что со стороны жены – француженки тёплого приёма не будет. Непринято это в ее стране. Да и в других, наверное, тоже бомжей в приличных домах не принимают. Но под давлением Чернова, француз сдался и пошёл. Не зная русского языка, на котором с мужем разъяснялась Катрин, Поль понял, что лучше ему покинуть дом. Не

хватало еще, чтобы хозяйка вызвала жандармов. Но Чернов похлопал гостя по плечу и повёл его в ванную. Сам занялся на кухне приготовлением позднего ужина.

Катрин появилась сзади Ивана с покрасневшими от слёз и обиды глазами.

– Ты должен немедленно его выгнать, – твёрдо сказала жена.

Чернов обернулся, снял фартук и, подойдя близко к супруге, попытался её обнять. Та выставила руку вперёд и сделала шаг назад.

– У нас так не делают! – Катрин указала пальцем в сторону ванной.

– Катрин, – Чернов старался говорить спокойно и убедительно, – это всего лишь дань уважения к бездоленному человеку. Почему это тебя так взбесило?

– Как у вас говорят про правила в монастыре?

– Не лезь со своим уставом в чужой монастырь.

– Очень правильно. Здесь, во «Фронс», свои правила. Для этих бездомных есть приюты. Там их кормят, дают одежду, лекарства. Если он захочет жить нормально, он найдёт работу. Ты не сможешь спасти всех! Всех накормить и отмыть! Ты поступаешь глупо.

Иван отвернулся, надел опять фартук и продолжил готовить.

– Почему ты мне не ответил?

Чернов ещё немного подержал паузу, потом повернулся к

жене и сказал:

– Всем я не помогу. А ему, – он кивнул в сторону ванной комнаты, – могу. И ещё знаешь что, ваши правила меня совсем не устраивают. Этого беднягу избивали четыре молодых мигранта. Понимаешь, что такое, когда лежащего пожилого человека, старика, бьют четверо молодых отмороzków?

– Что это – отмороzków?

– Отморозки – это особи, которые измываются над слабыми и беспомощными. Потому что те не могут ответить силой. У отмороzków одно правило – никаких правил. У них нет ни чести, ни морали. Они животные, волки. Поняла?

Катрин распознала не все слова из эмоциональной речи своего мужа, но то, что Иван спас от избиения или даже гибели Поля, она поняла. В глубине души она приветствовала поступок Ивана, но терпеть в своём доме чужого, возможно даже больного мужчину, Катрин Бенар была не готова.

– Сейчас он вымоется. Накорми его и отправь в приют, – продолжала настаивать Катрин. – Деньги на такси я дам. Кстати, где твой телефон?

– Украли, – продолжая готовить еду, ответил Чернов.

– Кто украл? Ты заявил в полицию?

– Украли те же мигранты, которые избивали Поля. В полицию я заявил.

Иван разговаривал с женой, не поворачиваясь к ней. Это давало понять Катрин, что Чернов с ней не согласен. А если он не согласен, значит, делает по–своему.

– Я проснусь утром и этот твой clochard должен исчезнуть, – твёрдо сказала Катрин и пошла в свою комнату.

– Этому, как ты сказала, клошару, – кинул вдогонку жене Иван, – я обещал приют на несколько дней. Пока он не оправится от побоев.

– Répète se que tu viens juste de dire, – от возмущения Катрин перешла на французский.

Чернов посмотрел на злое лицо супруги. Из тирады, которую она произнесла, он понял главное слово – «репет». Значит, она требовала повторить.

– Повторяю! – голос его стал ещё твёрже. – Я обещал! Если я обещал, значит, я сделаю. На этом всё.

Катрин взорвалась. Она вернулась на кухню и, размахивая руками, громко ругалась на французском. Иван и не собирался вникать. И так было ясно, что это скандал. Через пару минут непрерывного возмущения Катрин на мгновение умолкла и потом перешла на русский.

– А я тебе обещать вот что, – сказала она, – если утром я увижу его в этом доме, то я уеду. И не появлюсь, пока он не исчезнет. Это моё последнее слово. Adieu!

Поль появился из ванной, когда семейная битва уже закончилась. Он, одетый в большой махровый халат Ивана, поблагодарил своего молодого друга за возможность насладиться горячей водой вдоволь. Поль заметил, что Иван был чем-то расстроен.

– Je pense que je devrais partir, – виновато опустив голову,

сказал гость о необходимости покинуть дом.

– Не думай, Поль, – поставив перед гостем тарелку с салатом, сказал Иван, – не надо тебе уходить. Сейчас я открою вино, и мы обмоем наше знакомство.

Чернов взял штопор и ловким движением освободил горлышко бутылки. Поль в это время, растопыбив локти, помогая себе хлебом, уплетал салат.

– Месье, Поль! – прервал трапезу гостя Иван. – Бери бокал, и выпьем за наше знакомство.

Француз, скорее всего не понял, за что предлагал выпить хозяин, но то, что сказано было от сердца, он почувствовал. За этой бутылкой вина друзья просидели часа полтора. О чём они говорили? Может быть каждый о своём, может быть об одном и том же, для них в этот вечер это было неважно. Важно, что они общались. Иван устроил гостя на ночлег в свободной спальне, а сам улёгся в гостиной на диване.

Утром Катрин поняла, что клошар никуда не исчез. Она собрала вещи и, не прощаясь с Иваном, уехала. Чернов определил это когда проснулся. Звонить не стал. Он решил дать время Катрин остыть и возможно понять его позицию.

Шли дни. Катрин не появлялась и не звонила. Поль постепенно выздоравливал. Он оказался человеком воспитанным, даже образованным. Иван перестал ходить на курсы французского. Общение с Полем давало ему гораздо больше. И было это намного дешевле. Поль работал за еду и кров. Но продолжаться так долго не могло. С момента ухода Катрин

прошло уже почти две недели. Иван должен был принять какое-то решение. Всё больше и больше он склонялся к тому, что из его брака с Катрин Бенар ничего не получится.

В один из вечеров в доме появился Астор. Его сопровождал молодой человек в строгом костюме и массивных очках. Астор не поздоровался ни с Иваном, ни, тем более с Полем, а лишь слегка наклонил голову, мол, и этого достаточно. Обойдя неторопливым шагом дом, Астор сказал человеку в очках короткую фразу. Тот обратился к Чернову на русском языке.

– Месье Бенар интересуется, чем вы собираетесь оплачивать проживание в этом доме?

Из этой фразы Иван понял цель визита отца Катрин. Это означало, что пора сворачиваться и покидать жилище. А скорее, это равнозначно тому, что надо брать билет и улетать в Россию, пока ещё на счету Чернова есть деньги.

– Я понял господина Бенара, – ответил Иван. – Скажите ему, что я сегодня же соберусь, и завтра утром меня здесь не будет.

Молодой человек перевёл слова Чернова.

– Ça va! – одобрительно кивнул Астор.

– Месье Бенар удовлетворён! – перевёл молодой человек.

– Ещё бы! Это не переводите, – попросил Иван.

Бенар неожиданно достал из кармана портмоне, взял оттуда пластиковую карту и, что-то быстро сказав, передал её переводчику.

– Это вам, – переводчик протянул карту Ивану. – Здесь деньги необходимые на первое время.

Иван недоумённо посмотрел на Астора.

– Переведите месье Бенару, что я оценил его жест, но денег не возьму.

Очкарик не успел сказать ни слова, как Поль взял из его рук карту и, в низком поклоне поблагодарив Астора, сказал, что месье Чернов не может принять деньги от Бенара напрямую. Поэтому карту возьмёт он, Поль, а потом передаст ее по назначению.

– Il ne prendra pas. Parce que, tu sais, [il est Russe](#), – мотивировал своё предложение Поль.

– Вы понимаете, что он сказал? – спросил Ивана переводчик.

– Поля я понимаю. Он прав, деньги я у месье Бенара не возьму. Но не потому, что я русский. Потому что я мужчина.

Бенар посмотрел на всё это и ничего не говоря, вышел из дома. Карта осталась у Поля. Если бы старик знал, какую роковую роль сыграет этот кусок пластика в его жизни, он бы даже не думал прикасаться к нему.

Чернов после ухода Астора, набрал номер авиакомпании и заказал себе билет в Москву на следующий вечер. Его не столько беспокоила бесцеремонность Астора, сколько то, что Катрин за две недели разлуки ни разу не зашла и не позвонила. Вывод был единственный – она в Чернове не нуждается. Завтра Иван сядет в самолёт и улетит на Родину. Как

бы ни ныло его сердце, как бы ни хотелось обнять нежную и хрупкую Катрин, как бы ни хотел он ещё раз увидеть её улыбку, Иван понимал, что любовь уже не вернуть. Они с любимой Катей, как иногда по-русски называл жену Иван, были совершенно по-разному воспитаны. Астор был прав, когда говорил, что у них разные ценности. На первых порах любовь друг к другу размывала это, но теперь совершенно разное отношение к жизни выходило на первый план. Будь Иван более покладистым, не столь принципиальным, он, возможно и смог бы приспособиться к новой реальности. Но беда в том, что у Чернова был иной характер. Его учили и воспитывали по-другому. Пять лет в военном училище, потом несколько лет на офицерской должности. Уволился по семейным. Умерла мама. Брат с сестрой, близнецы, студенты первого курса не потянули бы учёбу самостоятельно. Отец, тоже офицер, погиб в первую чеченскую. Надежда была только на Ивана. Пришлось оставить службу и устроиться в Москве, где учились младшие. В общем, Чернов всегда чувствовал ответственность за тех, кто нуждался в его помощи. Он к этому привык. Иначе поступать не мог. Поль, этот французский одинокий старичок, нуждался в Чернове. Иван не мог оставить его в полицейском участке, или отправить в приют, закрыв глаза и заткнув уши. Нутро противилось.

Вещи Иван собрал быстро. Всё уместилось в его небольшой чемодан. Ночь Чернов провёл без сна. Крутился как пропеллер на кровати. Сон пропал напрочь. Разные мысли

роились в голове. Приближалось утро. Не было смысла мучить себя, Иван встал и пошёл на кухню сварить кофе.

– Tu vas bien? – услышал вопрос Поля Чернов.

Старик стоял у входа в кухню. В глазах его читалось сочувствие.

– Уви, ту ва бьян, – подтвердил Иван, что он в порядке.

– Я винОват, – сказал старик на русском, сделав ударение на «о».

– В чём ты виноват, Поль? В том, что мы с Катрин относимся к жизни по-разному?

– Oui! – кивнул француз.

– Что «уви»? Ты не понял меня, – в голосе Ивана слышались грустные нотки. – Нет, Поль. Дело даже не в том кто виноват. У меня такое чувство теперь, что мы живём на одной земле, а вы на другой. Мы дышим одним воздухом, а вы совершенно иным. Вы, европейцы всего боитесь. Поэтому терпите то, чего терпеть не надо. Вы даже смерть не называете смертью. У вас это называется как угодно, только не смерть. Такое впечатление, что покойник ушёл, но может вернуться. Даже в этом вы себе врёте. Только пойми меня правильно. Я не осуждаю вас. Просто так сложилось. Вам так нравится и, слава Богу.

Поль подошёл к Ивану близко и заглянул в глаза. Он смотрел, как смотрит верный пес, стараясь угодить хозяину. Во взгляде старика было сочувствие. Поль положил руку на плечо Чернова и спросил:

– Laisse-moi faire du café?

– Хочешь сварить кофе? Свари, – Иван поставил на стол пакет с ароматными зёрнами.

Поль улыбнулся и с удовольствием принялся за дело. Пока француз занимался приготовлением кофе, он успел рассказать Чернову всё о том, как на его родине относятся к кофе. «Вы русские похожи на американцев, – говорил Поль по-французски. – Для вас кофе это просто вкус. Это напиток, такой же, как лимонад, или чай, или просто вода. Это неправильно. Для нас французов кофе это, прежде всего, общение. Нет, хороший вкус и аромат должен быть, но сам по себе кофе без хорошего собеседника, это не кофе. Так же точно как любовь без хорошей женщины, это не любовь. Я из того поколения, которое в парижском кафе заказывало официанту: «ан пети нуар». По-вашему, по-русски, это будет эспрессо. Я уже даже не помню, когда в последний раз я был в кафе или ресторане. Это вообще было не со мной». Поль поставил перед Иваном приготовленный кофе и, тяжело вздохнув, опустился на стул рядом. Седая голова его поникла, он сторбился и затих.

– Ты сварил очень вкусный кофе, Поль. Спасибо! – отпив глоток, похвалил старика Чернов. – Я сегодня вечером улетаю, а до этого предлагаю тебе сходить в ресторан. «Алё а ресторан сэ сюр».

Поль услышав предложение Ивана, нелепо улыбнулся. Он не знал что ответить. Ему, конечно же, хотелось вспомнить

былую сытую жизнь. Но не станет ли после этого ещё хуже. Старик привык к нищете. «Нет! Нет! – обречённо говорил Поль. – Это плохая затея. И у меня нечего надеть. Я лучше поужинаю в приюте».

– Почему ты отказываешься? Боишься?

– Je ne crains rien, Ivan, – не глядя в глаза Чернову, ответил Поль.

– Боишься. Не ври, я вижу. Вот опять скажу: странные вы люди. А может быть это последний день в нашей жизни. Представь себе, что завтра уже не будет. Ничего не надо опасаться. Надо пожить сегодня по максимуму. Опасаться надо лишь тогда, когда то, что ты делаешь, вредит другим людям. И всё. Понимаешь о чём я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.